

Моск. правда - 1991. - 15 янв.

сегодня исполняется 100 лет со дня рождения О. Э. Мандельштама

«Москва, сестра моя...»

Осип Эмилевич Мандельштам имеет прочную репутацию петербургского поэта. Безусловно, Петербург — Петроград — Ленинград — главный город в его судьбе и стихах. Однако очень большую роль в жизни и творчестве Мандельштама сыграла и Москва, о которой он писал в начале 20-х годов в очерке «Холодное лето»: «...жить нам в Москве, сероглазой и курносой...», и которую позднее в стихотворении «Стансы» назвал сестрой.

Москва Мандельштама — это город, столь же громадный, контрастный, плотно заселенный, как и реальная столица. Это вокзалы, «разъезды» скворащих трамваев, бульвары, Кремлевские соборы, гостиница «Метрополь» и «иудины окна Дома Герцена», коридоры Гослитиздата и «пустая, без всяких затей» квартира в Нащокинском переулке; это «заводы и сады замоскворецкие», «базаров бабья ширина» и «вертепы чудные музеев»; это новое метро, тихие дорожки Нескучного сада и Лубянка, Бутырская тюрьма... Действительно:

...нежнее моря, путаней
салата
Из дерева, стекла и
молока...

Москва Мандельштама — это первый его приезд сюда в 1916 году, это жизнь в революционном городе в 1918—1919 годах и далее — в 20-е, 30-е годы, это несостоявшаяся дуэль с поэтом В. Шершеневичем, это арест и высылка, возвращение, второй арест...

Москва Мандельштама — это, конечно, люди: артист В. Яхонтов и художники А. Бруни, А. Осмеркин, А. Тышлер, это М. Цветаева, А. Ахматова, В. Шкловский, Б. Пастернак, крестьянские поэты С. Клычков и Н. Клюев, замечательная поэтесса и переводчица М. Петровых, это молодой тогда человек, будущий известный историк Л. Гумилев, биолог Б. Кузин и многие-многие другие...

«Тот не любит города, — писал Мандельштам в очерке «Холодное лето», — кто не ценит его рубище, его скромных и жалких адресов, кто не задышался на черных лестницах, путаясь в жестянках, под мяуканье кошек, кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса на занозу в лазури, на живую, животную прелесть аэроплана...». В Москве много мандельштамовских адресов, но сегодня рассказ пойдет лишь о некоторых из них.

Вот дом на углу улицы Забелина и Старосадского переулка. Такие солидные многоквартирные доходные дома во множестве появлялись в Москве во второй половине XIX — начале XX века. В 30-е годы здесь, в квартире № 3 дома номер 10 по Старосадскому переулку, жила семья Александра Эмилевича Мандельштама, и «у брата Шуры» не раз бывал и жил О. Мандельштам.

Для поэта это было нелегкое время. С середины 20-х годов Осип Мандельштам практически не писал стихов. Творческая немота затянулась, а между тем усилились нападки на поэта со стороны критиков. О нем писали как о поэте «бывшем», утверждали, что он кончился, несозвучен советской эпохе, буржуазный эстет и тому подобное. Кроме того, в 1928—1929 годах на поэта очень сильно подействовал конфликт, когда его незаслуженно обвинили в плагиате.

И хотя в защиту О. Мандельштама выступили многие видные писатели, и хотя суд, состоявшийся летом 1929 года, пришел с помощью экспертов к выводу, что «Тиль Уленшпигель», переработанный Осипом Эмилевичем из переводов Корякина и Горнфельда, является самостоятельным произведением, так что не может быть и речи о литературном воровстве, — несмотря на все это, поэт не мог отделаться от ощущения, что его вывалили в грязь. Хамские нравы, все откровеннее дававшие себя знать в литературном мире, были ему глубоко противны. Он понял, что с этим миром, в котором так легко включается механизм травли негодных, он не хочет и не может иметь ничего общего. Мандельштам все яснее осознавал, что ему уготована судьба отщепенца, кото-

рому «на плечи кидается вековолкодав» (кстати, «волчий цикл» писался, когда поэт жил у брата). И эту судьбу он принял.

Противостояние мобилизовало его душевные силы, как бы расковало его творческую энергию, и после поездки в 1930 году в Армению к поэту «вернулись» стихи. А жить было все так же почти не на что.

Эмма Герштейн вспоминала: «В Старосадском переулке... Мандельштамы встретили меня сурово. «Мы бедны, у нас скудно», — обиженно произнес О. Э. А Надя стала живописно изображать, как к ним потянулись люди, принося дары — деньги и еду. Даже Клюев явился, как-то странно держа в оттопыренной руке бутербродик, насаженный на палочку: «Все, что у меня есть».

На снимках: О. Мандельштам в 20-е годы; дом № 3—5 по улице Фурманова, где поэт был арестован.

В этот период, когда безработный и безденежный поэт часами бродил по московским улицам, были написаны многие его стихи, посвященные Москве. «Мы были подвижными и много гуляли, — писала жена поэта Н. Я. Мандельштам. — Все, что мы видели, попадало в стихи: китайская прачечная, куда мы отдавали белье, развал, где мы листали книги, еще не покупая из-за отсутствия денег и жилья, уличный фотограф, щелкнувший меня, Мандельштама и жену Шуры, турецкий барабан и струя из бочки для поливки улиц».

Уж я люблю московские законы,
Уж не скужаю по воде Арзни.
В Москве черемуки да телефоны
И казнями там имениты дни, —

писал Мандельштам, вернувшись из Армении, в июне 1931 года. Стихотворение затем было уничтожено, но в то время он читал его своим друзьям, в частности Яхонтовым, с которыми поэт связывала давняя дружба.

Знакомство Мандельштамов с Владимиром Николаевичем Яхонтовым и его женой Елико-нидой Ефимовной Поповой состоялось в 1926 году в Детском селе (ныне город Пушкин), где те и другие жили тогда в здании Лицея. Дружеские отношения возобновились в Москве, когда в 1928 году поэт вновь поселился в столице.

Яхонтов и Попова жили по разным адресам, но Мандельштамы нередко навещали их в квартире № 2 дома № 8 по Варсонофьевскому переулку, принадлежавшей матери артиста Наталье Ильиничне. В архиве В. Н. Яхонтова сохранились записи, рассказывающие об их встречах.

Вот дневниковая запись, сделанная в июле 1931 года: «Снова Мандельштамы. Снова я потрясен этой мудростью его стихов (он читал мне новые), их зрелостью с явной печатью genialности. Тут у него появляются горькое веселение, ирония (нет, нечто несравненно более глубокое), как будто он пытается вздохнуть глубоко и наполнить легкие пылью и испарениями обильно политых тротуаров.

На этот раз протест мой был много слабее, чем до отъезда, когда он затравленным волком готов был разрыдаться и действительно ведь разрыдался, падая на диван тут же только прочел нам (кажется впервые и первым) — «мне на плечи бросается вековолкодав, но не волк я по крови своей». (Орфография и пунктуация воспроизведены по тексту, который хранится в ЦГАЛИ).

В этом дошедшем до нас благодаря Яхонтову эпизоде жизни поэта, хорошо чувствуется та его душевная открытость, о которой писала Л. Гинзбург: «Мандельштам слывет сумасшедшим и действительно кажется сумасшедшим среди людей, привыкших скрывать или подтасовывать свои импульсы».

Естественно, такая открытость не могла привести к добру в

штам в мае 1934 года, но уже не в Доме Герцена, а в последней своей московской квартире.

К сожалению, дом № 3—5 по улице Фурманова (бывший Нащокинский переулок) не сохранился. В конце 70-х годов его снесли. Это был один из первых в Москве писательских жилищкооперативов. «Мандельштам был включен в список членов кооператива — кто внес за него деньги и вообще был ли сделан паевой взнос, не знаю — но какая-то неуверенность чувствовалась и продолжалась до самого последнего дня», — свидетельствует Э. Герштейн.

Конечно, получить свою отдельную двухкомнатную квартиру было большой удачей. Мандельштамы были гостеприимны, и в квартире № 26 вскоре стали нередко появляться их знакомые и друзья: поэты Влади-

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозные баюшки-баю
Кулацкому паю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель
Достоин такого рожна...

В этой квартире в ночь с 13 на 14 мая 1934 года Осип Эмилевич был арестован. При обыске и аресте присутствовала Анна Ахматова, приехавшая как раз в этот день. Ордер на арест был подписан лично Г. Ягодой. Обыск продолжался всю ночь — искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. В семь утра Осипа Мандельштама увели.

В первый раз приговор был необычайно мягок: три года ссылки в Чердынь на Каме (затем семье Мандельштамов было разрешено переехать в Воронеж). Такая мягкость объяснялась тем, что накануне I съезда писателей Сталин всячески демонстративно определил «либерализм». Поэтому хлопоты Ахматовой и Пастернака привели к известным результатам.

В мае 1937 года срок ссылки окончился, и Осип Эмилевич с женой вернулись в Москву, на улицу Фурманова, где им, однако, уже не суждено было жить. Поселившийся в их отсутствие в одной из комнат «соседа» тотчас начал строчить на них доносы. Да и обстановка в стране была уже не та: наступило время «крупных оптовых смертей», и Мандельштам был обречен.

Но еще в «своей» квартире № 26 Осип Эмилевич продиктовал Эмме Герштейн «Стихи о неизвестном солдате» — произведение, определяющее XX век как столетие страшных войн и массовых убийств. Там есть такие строки:

...Наливаюсь кровью аорты
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто
четвертом,

Я рожден в девяносто
втором...

И в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой
и гуртом

Я шепчу обескровленным
ртом:

Я рожден в ночь с второго
на третье

Января в девяносто одном
Ненадежном году — и

столетья
Окружают меня огнем.

(Дата рождения указана по старому стилю).

2 мая 1938 года Осип Мандельштам вновь был арестован — в подмосковном санатории «Саматиха», и 2 августа Особое совещание приговорило его к 5 годам исправтрудлагерей «за к.-р. (контрреволюционную) деятельность». Его ждала Бутырская тюрьма и дорога на восток — в сибирский лагерный ад.

Умер з/к Осип Эмилевич Мандельштам, как показывает его дело, исследованное П. Нерлером, 27 декабря 1938 года. До недавнего времени не было известно, где он похоронен. Но в одном из последних номеров газеты «Известия» появилось сообщение, что приморский краевед Валерий Марков отыскал могилу Осипа Мандельштама, которая находится во Владивостоке на территории одного из учебных экипажей Тихоокеанского флота, где до декабря 1941 года был пересыльный лагерь заключенных.

Однако и в Москве есть место, куда можно прийти, чтобы поклониться поэту. Рядом с крестом на могиле Н. Я. Мандельштам, умершей 29 декабря 1980 года и похороненной в старой части Кунцевского кладбища, установлен памятный камень с надписью: «Светлой памяти Осипа Эмилевича Мандельштама». Можно было убить заключенного, но убить поэта не в силах никто.

Л. ВИДГОФ.

мир Нарбут, Георгий Шенгели и Сергей Клычков, живший в этом же доме на первом этаже, Мария Петровых, Эмма Герштейн, Лилия Попова — Яхонтова. Жил тут некоторое время вернувшийся из ссылки поэт В. Пяст, жил зимой 1933—1934 года Лев Гумилев. И, конечно же, «прежде всего была приглашена Ахматова», которая, однако, смогла приехать из Ленинграда только в середине зимы 1933—1934 года.

Осипа Эмилевича, как всегда, не смущали житейские неурядицы и безденежье. Между тем, как вспоминала Ахматова, «тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме». К вполне понятной радости Мандельштама по поводу получения своего жилья примешивались другие чувства. По свидетельству Анастасии Ивановны Цветаевой, о квартире в Нащокинском переулке Осип Эмилевич как-то сказал: «Эта квартира как гроб. Отсюда только на Ваганьково». Он чувствовал себя как бы пойманным, прирученным, «окопцованным», попавшим в число официальных писателей, в ту одобренную властью литературу, которую он проклял в недавней «Четвертой прозе». Это настроение выразилось в стихотворении «Квартира»:

...А стены проклятые тонки
И некуда больше бежать,
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской
ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной
скамейке
Учить щебетать палачей.

Сегодня, в день 100-летия со дня рождения О. Мандельштама, Леонид Михайлович Видгоф впервые проведет экскурсию по местам Москвы, связанным с поэтом. Некоторые из них хорошо знакомы по материалам, опубликованным в печати, в частности по публикациям Л. Колодного в нашей газете. Но есть адреса, которые до этого времени не привлекали внимания исследователей, как, например, дом художника А. Бруни на Большой Полянке, где бывали Мандельштамы, или дом № 2/9 по улице Шувалова, где жила М. Петровых, в которую Осип Эмилевич был коротко и безответно влюблен.

Сегодня же на стене флигеля Дома Герцена, где поэт написал столько своих известных стихов, будет открыта мемориальная доска.